

Любовь Минеева

Кричащая Башня
знает

Москва

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М61

Иллюстрации на переплете *Night Crow*
(*Станиславы Иванкевич*) и *REDwood*
Иллюстрация на форзаце *Aligner*

Минеева, Любовь.

М61 Кричащая Башня знает / Любовь Минеева. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с. — (Русреал-детектив).

ISBN 978-5-04-197151-9

После развода родителей восемнадцатилетняя Настя, привыкшая к роскошной жизни в мегаполисе, переезжает в провинциальный городок. Ее единственной подругой становится Арина — звезда местного института.

Их дружба продолжается до тех пор, пока Арину не находят мертвой у подножия Кричащей Башни — таинственного старого дома, овеянного мрачными легендами. Вскоре рядом с Башней одна за другой начинают погибать недоброжелательницы девушки. Ходят слухи, что в городе завелся мстительный призрак...

И тогда Настя берется за расследование, желая не только найти того, кто выдает себя за мертвую подругу, но и любой ценой сохранить ее тайны. Ведь только Насте известно, что за маской хорошей девочки скрывалась интриганка, готовая идти по головам ради своих целей.

УДК 821.161.1-312-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197151-9

© Минеева Л., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Мать ушла в ночную смену.

Понимаю это, взглянув на часы, — время давно за полночь. Выбравшись из кровати, иду к окну и смотрю во двор — он пуст, совершенно безлюден. Три машины на крошечной парковке, пара горящих фонарей, свет которых превращает снег в желтую, словно залежалую, вату.

Не включая света, заворачиваюсь в синтепоновое одеяло и иду на кухню.

Спать не хочется. Смотреть телик, зажигать свет, есть или пить чай — тоже. Чем еще занимаются люди по ночам, когда им не спится? Пишут в дневник, рисуют в блокноте. Может, подготовиться к завтрашнему зачету, почитать лекцию? Первый зачет в моей жизни, как-никак.

В кухне сажусь на стул у окна — мое любимое место во всей нашей крохотной однокомнатной квартире. Хрущевка — вот как они называются, такие квартиры, как у нас с матерью. Я недавно узнала об этом. Услышала, как мать рассказывала кому-то по телефону, мол: «Дела ужасно, живем в хрущевке». Я загуглила, оказалось, такие дома строили в конце 50-х, и они носили характер временного жилища, типа, поживут люди лет пятнадцать, пока Советский Союз идет к светлому будущему, а потом уж партия всех обеспечит просторным жильем. С тех пор прошло пятьдесят и пятнадцать лет, а мы все надеемся.

Единственную комнату мы с мамой разделили. Дальнюю стену и метра полтора от нее отгородили шкафом,

дверцами – в большую часть. Так я получила себе закуток. Туда как раз влез маленький диванчик, выдвигающийся вперед, и узкий компьютерный столик. На него я поставила ноутбук, но почти не открывала его – смотреть любимые сериалы почему-то желания не было. К задней стенке шкафа я прикрепила присосками легкую пластмассовую полочку, на которую собиралась поставить всякие приятности из прошлой жизни: шкатулку с Кипра с большой ракушкой на крышке, мою фотку на фоне старинного замка в Эдинбурге (в девятом классе я просто бредила Шотландией), но полка так и осталась пустой.

В квартире холодно, и я зажигаю горелку на плите, чтобы хоть немного согреться. Потому и люблю этот стул у крошечного кухонного стола – он стоит у окна и рядом с плитой. Можно смотреть на улицу и наслаждаться теплом.

Холод в квартире от того, что на окнах деревянные рамы, и в щели прямо-таки задувает ледяной ветер. Я никогда не видела таких окон – не пластиковых. Мать сказала, что такие щели нужно затыкать ватой и клеивать специальной бумагой. Понятия не имею, что это за процесс такой, мать говорит, что умеет, они так делали раньше.

Говорит, что умеет, но никак не заткнет.

Немного согревшись, я иду к холодильнику и достаю бутылку водки. Подумав, достаю еще тарелку, завернутую в полиэтиленовый мешочек – там остатки нарезки к завтраку: несколько кружков колбасы, сыра и соленого огурца. Ставлю на стол, нашариваю в шкафу с посудой рюмку.

Я уже настолько согрелась, что можно не кутаться в одеяло, и я позволяю ему сползти с плеч, уминаю локтями, устраиваясь поудобнее, – теперь я будто сижу в синтепоновом гнезде.

Отвинчиваю крышку, наполняю рюмку и быстро, не думая, выпиваю. В первую секунду у меня ощущение,

будто я глотнула одеколона. Резкий запах напомнил вкус коньяка, который мы с двоюродной сестрой пили на мое восемнадцатилетие прошлой весной — на секунду в глаза брызнули огни ночного клуба и мелькание танцующих теней. Но я быстро отбросила все воспоминания. Я не возвращаюсь в прошлую жизнь с тех пор, как мы сюда переехали. Даже Инстаграм¹ удалила.

Заедаю соленым огурцом, и неприятный лекарственный привкус отпускает.

Огурцы нам притащила соседка. Они с матерью подружились еще летом, почти сразу после нашего переезда, она в курсе наших бед и почему-то решила, что мы в придачу еще и голодаем. С осени начала подкармливать нас урожаем со своей дачи. Мать говорит, что весной мы будем ей там помогать. Этого только не хватало.

Я наливаю вторую рюмку и выпиваю, стараясь не вдыхать противный запах.

Третья рюмка идет, что называется, как к себе домой. Хрущу огурцом, оглядываю унылый двор. Я все еще плохо знаю этот город, но, по-моему, мы живем в худшем его районе. Только переехав сюда, в Арслан, я поняла значение фразы «провинциальный городишко». Нет, до этого мы жили тоже не в столице, но, по крайней мере, в столице большого региона, а этот город — он даже здесь, в провинции, считается провинцией. Один завод, два торговых центра и полузаброшенный железнодорожный вокзал — ничего, кроме пригородных электричек, через него не ходит.

Я отворачиваюсь от окна и понимаю, что картинка перед глазами начинает слегка дергаться. Кажется, что диапазон зрения сужается, словно я напялила средневековый

---

¹ Инстаграм — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

рыцарский шлем и смотрю через прямоугольную щель. Наверное, если я попробую встать, то тут же грохнусь на пол. Я знаю, так бывает с крепким алкоголем – ты сидишь за столом, хлещешь одну за другой, чувствуешь себя совершенно трезвой, а потом встаешь, и пол встает тоже. Быть пьяной – дурацкое чувство. Но я снова тянусь за бутылкой. Рюмки уже не считаю.

Думаю, надо бы включить свет, иначе пролью мимо, придется вытирать, а растертая по полу водка будет вонять на всю квартиру несколько дней.

Встаю и иду к выключателю. Первую секунду жмурюсь от света. Никогда не замечала, что единственная лампочка, не прикрытая даже каким-нибудь колпаком, горит так ярко.

Проморгавшись, я поворачиваюсь к столу и вижу, что за ним сидит Аринка.

– Лучше выключи, – говорит она и прикрывает глаза ладонью. Я тут же выключаю. Темнота на секунду становится полной, я уверена, что если я снова щелкну выключателем, то Аринки за столом уже не будет. Это и называется «словить белочку»?

Мой взгляд впивается в черноту того угла, где при свете я увидела Арину, – по другую сторону стола, напротив моего синтепонового гнезда. Сквозь темноту квартиры в окно постепенно проникает желтый свет фонарей – я начинаю различать бесформенную кучу одеяла на табуретке, блик на своей рюмке, синий цветок газа и... ее силуэт. Сквозь мрак зимней ночи проступает белизна ее волос – длинных, как у русалки, сложенные на столе руки – кисти выглядывают из рукавов черной водолазки, может, именно на ее фоне я так четко вижу длинные призрачные пряди. Но лучше всего я вижу, как в темноте блестят ее глаза – зеленые, точно у кошки.

– Арин... – зову я шепотом.

– Что? – отвечает она тоже шепотом.

– Это правда ты?

Она тихо смеется, а я все еще не решаюсь подойти. Почему меня так пугают ее длинные белые волосы, тянущиеся вдоль тела, точно серый мох по стволу дерева?

– Как ты зашла?

– А ты думала, одна будешь тут расслабляться под водочку с огурчиками? Доставай рюмку! Это сейчас прямо то, что доктор прописал.

Я открываю шкафчик с посудой, нащупываю рюмку и подхожу к столу. Глаза совсем привыкли к темноте, но Аринкин силуэт по-прежнему нечеткий. Сталкиваю одеяло со своего стула и наконец сажусь. Не сводя глаз с Аринкиного силуэта, беру бутылку и разливаю уже в две рюмки. Двигаю тарелку на середину стола, ставлю рюмку поближе к бледным пятнам ее запястий.

– Ну, – говорит Арина, – за тебя, Настька!

Мы выпиваем. По крайней мере, я. Никакого движения в противоположном углу я не замечаю.

– Злишься на меня? – спрашивает шепот из противоположного угла.

– Я – на тебя?! – От удивления аж перестаю жевать и перехожу на полный голос. Темнота вздыхает, и я вижу, как шевелятся призрачные пряди – наверное, Аринка трогает волосы, подкручивая едва выраженные локоны. Этот ее жест был таким привычным, что я на секунду увидела ее во мраке.

– Да, а что ты удивляешься? – отвечает Аринка. – Мы лучшие подруги, а между лучшими подругами всегда накапливается куча обид и непоняток. К тому же я та еще сучка.

Она смеется, и меня тоже начинает распирать от какого-то истерического хохота. Но я сдерживаюсь.

– Не злись, Настя... – шепчет подруга, и в ее тихом голосе я улавливаю просящие нотки. Редкий случай.

– И ты на меня, – выдавливаю я. До меня начинает доходить, что, скорее всего, никакой Аринки напротив меня не сидит. Либо я сейчас сплю, уткнувшись носом в кухонный стол, либо, пьяная вдрызг, разговариваю с пустотой. Наружу снова начинает рваться гиенский гогот.

– Все равно нам было классно, да? – говорит Аринка, и я послушно киваю. Она, кажется, улыбается.

– Я не собираюсь просить прощения, да и выпрашивать – тоже, – задумчиво добавляет шепот. – Хрен с ним. Прощение – это дело времени, враз нельзя сесть, поднатужиться и простить. Даже если ты сейчас скажешь, что прощаешь меня, я тебе не поверю.

– Да тебе и не за что просить... – бормочу я.

Темнота снова вздыхает, да так глубоко, что я чувствую Аринкино дыхание. Оно холодное, как сквозняк, тянувшийся из щелей в окнах нашей квартиры.

Собравшись с духом, я решаю на свой вопрос:

– Арин, ты точно настоящая? Я что, отключилась, когда ты пришла?

– Я пришла, потому что решила тебе помочь. И дело совсем не в том, как я жила и что творила, и не потому, что я в чем-то раскаиваюсь. Я здесь ради них – всех других девушек...

– Что-то ни фиги не пойму...

– Тихо! – перебил меня шепот, и теперь я точно узнавала в нем голос Аринки. – Слушай, Настя. Ты понятия не имеешь, во что ввязалась. Во что я тебя втянула, бедная моя девочка... Сегодня я выпустила на волю чудовище.

Пьяный бред. МОЙ пьяный бред. Голос был Аринкин, но слова – точно не ее.

КРИЧАЩАЯ БАШНЯ ЗНАЕТ

– И разбираться со всем этим придется тебе, – твердо говорит моя подруга.

– Слышишь меня? – Голос переходит на крик. Я вздрагиваю, темнота вокруг меня стала плотной, почти осязаемой. И внезапно из этого мрака появилось лицо Аринки – близко, нос в нос к моему. Оно болталось в этой темноте – только лицо, без тела, как овальный воздушный шарик. И кричало:

– Останови это чудовище, слышишь? СЛЫШИШЬ?!

Аринка начинает визжать, и этот дребезжащий визг наполняет всю квартиру, я пытаюсь закрыть уши, глаза, но не могу даже пошевелиться.

И просыпаюсь.

* * *

Кто-то трезвонит в дверь.

У нас что, есть звонок? Да еще и такой мерзкий. Встаю из-за стола, ноги путаются в одеяле, которое валяется на полу. Автоматически выключаю газ – воздух в кухне, да и, кажется, во всей квартире, стал сухим и таким жарким, что хочется открыть окно.

Снова длинная трель звонка.

Выбираюсь из одеяла и падаю. Встаю, шлепаю себя по щекам, пытаюсь окончательно проснуться, добираюсь до выключателя и зажигаю свет.

В кухне никого нет, на столе – ополовиненная бутылка водки и тарелка с одиноким кусочком сыра. Интересно, сколько времени. Судя по темноте – все еще глубокая ночь.

На очередной визг звонка я ору:

– Да иду, блин, иду!

В маленькой прихожей зажигаю бра над зеркалом и, даже не спросив, кто там, поворачиваю собачку замка и открываю дверь.

В первый момент я ее не узнаю. Всклоченные волосы, расстегнутая куртка, распухшее лицо. Она говорит что-то своему спутнику – рыжеволосому парню, которого я точно вижу впервые, потом поворачивается, и я наконец вижу залитое слезами лицо – Даша, Аринкина сестра.

– О боже, Настя! – фраза тут же переходит в рев. Она бросается ко мне, обнимает и проталкивает вглубь прихожей. Рыжий заходит следом и прикрывает за собой дверь.

– Что случилось? – бормочу я, от души надеясь, что от меня не несет перегаром. Аринка, наверное, не пришла ночевать домой – вот сучка! И как мне теперь ее отмазать?

– Настя, она умерла... – Даша, не отпуская меня, шепчет прямо в ухо. – Ариночка наша умерла...

Я резко отдираю от себя горячую Дашкину щеку и смотрю ей в лицо.

– Что? – Я даже усмехаюсь. – Я тебе не верю. Да она просто загуляла где-нибудь в клубе, скоро придет! Ты звонила ей? Я сейчас сама позвоню.

Бросаюсь в кухню, надеясь найти мобильник в том месте, где была в последний раз. Даша пытается удержать меня за руку.

– Настя, она умерла.

В кухне телефона нет. Бегу в свой закуток.

– Ночью она сбросилась с Кричащей Башни.

Выхожу из-за шкафа. Телефон, видно, мне не понадобится.

– Что?! Почему? Что случилось? – Теперь я сама хватаю Дашу – прямо за края пушистого капюшона. – Что с ней произошло?

Дашка ревет и пожимает плечами:

– Ничего толком не знаю! Она сбросилась с общего балкона этой дурацкой Башни! Господи, почему ее не снесли... эту Башню... там балконы... не закрываются...

Она рыдает, закрывая лицо руками.

– Мы надеялись, что ты как-то прояснишь ситуацию.

Эта фраза принадлежит рыжему, о существовании которого я успела забыть. Он все еще стоит у закрытой двери и выглядит хоть и серьезным, но довольно спокойным. Не устаиваю его ответом, вновь повернувшись к Даше.

– Проходите в комнату.

Рыжий тут же разувается и расстегивает парку. Даша в обуви проходит до трюмо, стоящего у стены между коридорчиком и кухней, и присаживается на него. Она перестает плакать и тоже смотрит на меня серьезно и настороженно.

– Дима прав, – говорит она. – Я надеялась, что ты скажешь, почему она... – Снова порция слез. – Вы ведь лучшие подруги... Почти сестры! Она ни с кем так не дружила, никогда. Только о тебе и говорила. Ты же как член нашей семьи!

Я вдруг чувствую, что во мне вскипает злость. Значит, Даша с каким-то рыжим Димой примчалась ко мне ночью не потому, что умерла моя лучшая подруга (боги, это просто не может быть правдой!), а чтобы выяснить почему! Шерлок Холмс и доктор Ватсон, мать вашу за ногу.

Кипящие внутри эмоции, как всегда, выплеснулись холдом.

– С чего вы, – я намеренно подчеркнула это «вы», – решили, что я знаю?

Мой ледяной тон подействовал на Дашу как ушат воды, вылитый на голову. Она уставилась на меня.

– Ну... – пролепетала она.

– Неужели ты думаешь, – перебиваю я, – что если бы я знала, что Аринка решила покончить с собой, то сидела бы спокойно дома и даже не попыталась бы ее остановить?

– Я не это имела в виду! – в отчаянии кричит Даша, и я чувствую легкий укол совести. – Но ты же знала все,

что с ней происходит! Может, ее кто-то обижал или у нее были проблемы в институте...

Обижал – Аринку? Ха! И какие проблемы в институте могут быть у старосты курса?

– И я не могу дозвониться до Макса. Может, они поссорились?

Покончить с собой из-за парня, которого собираешься послать подальше? Тоже мимо, Дашенька. Как ты плохо знаешь свою любимую сестренку.

Стою и качаю головой. Нет, нет, все не то.

– Как это произошло? – спрашиваю я наконец.

– Ничего толком не знаем. Около часу ночи ее нашли у этого чертового дома, прямо на снегу... Полиция говорит, что она сбросилась с общего балкона, скорее всего, с самого верхнего – двенадцатого – этажа. Там нашли ее сумку.

– А телефон?

Перед глазами всплыл модный телефончик с изящным цветком на чехле-бампере – Аринкин мобильник.

Даша пожала плечами:

– Не нашли. Номер недоступен.

Понятно. Мы не узнаем, с кем созванивалась Аринка перед смертью. Аринка и смерть? Эти слова вообще не укладывались в одном предложении.

– Она ушла из дома около пяти – сказала, что гулять. Мама даже не спросила с кем. Она же всегда гуляла с тобой или с Максом, больше ни с кем особо не общалась. Ты не видела ее?

Нет, не видела. Аринке вчера было не до меня. Но вслух я ничего не говорю. Рано пока раскрывать рот.

Даша с рыжим потоптались у меня еще с минуту, строя предположения одно безумнее другого. Потом Даша сказала, что ей нужно быть рядом с мамой и отцом, они недавно

приехали с опоздания. Мы договорились созвониться позже. Уходя, Даша наконец представила мне рыжеволосого:

– Это Дима Суханкин, мой друг. Мы с ними соседи по даче. Наши родители дружат. Не знала, кому еще позвонить...

И что этот дачник делает тут сейчас? Никогда о нем не слышала, тоже мне, друг семьи. Они ушли, и я остаюсь одна. Несколько раз громко всхлипываю, но какая-то трясучая злость не дает мне плакать. Аринка умерла. Я несколько раз мысленно и вслух проговариваю эти два слова, как будто пробуя их на вкус. Что теперь будет с моей жизнью?

Устав бессознательно слоняться по комнате, прихожу в кухню.

На столе стоит бутылка, тарелка с сыром и две рюмки. Одна из них налита доверху. Я взяла ее, подержала в руках – стекло было ледяным – и одним глотком опустошила.

Аринка умерла. Теперь эта фраза кажется мне самым естественным словосочетанием в мире.

Глава 2

– Я хочу другой жизни, – говорит Аринка и привычным жестом подкручивает едва выраженный локон. – Для нас обеих.

Мы сидим на пустой трибуне у футбольного поля. Середина сентября балует солнечными вечерами, и если на мгновение забыть во времени, то кажется, что все еще лето. Трибуна – несколько рядов деревянных ступеней, краска на которых давно облупилась и слезала кусками, – занимает ту сторону поля, что скрывается в тени высоких

деревьев. По полю носятся мальчишки – у них тренировка, но на самом деле они просто играют в свое удовольствие, не особо заботясь об отработке удара или технике обвода противника.

– Я хочу, – продолжает Аринка, – жить в большом и красивом городе, в Москве или в Питере, да, особенно в Питере – клубная столица! Говорят, там сам воздух дезинфицирует от прошлой жизни, там только и хочется, что творить и мечтать... Я там точно стану модельером или писательницей – а что? У меня столько всего в жизни было – на десяток книг хватит!

Дружные крики на поле привлекают наше внимание. Мальчишки мечутся у ворот, секунда – и Макс забивает гол. Его команда скачет от радости, кто-то обнимает его за плечи – у меня бы от таких объятий хребет сломался, – все орут, как ненормальные. Макс смотрит только на Аринку. Он тычет в нее пальцем, вытянув руку, мол, этот красавец гол я посвящаю тебе, дорогая. Аринка дарит ему улыбку, и только я замечаю за ней снисходительную насмешку.

– Мы с тобой жили бы в большой квартире-студии, отделанной под лофт. Это модно и так... стильно.

– Мне не нравятся лофты, – подаю голос я, – слишком грубая обстановка и давящая атмосфера. Лучше квартиру под самой крышей, чтоб из окна касаться серого питерского неба, а с утра сидеть на подоконнике и пить кофе...

Аринка смеется:

– Вот кому книги надо писать!

Я отколупываю кусок краски и принимаюсь крошить его в руках.

– А вообще, да, в Питере классно! Вечные сумерки, воздух, сотканный из дождя, все как я люблю. – Прячу ухмылку и поднимаю взгляд на Аринку. Подруга смотрит на меня во все глаза.

КРИЧАЩАЯ БАШНЯ ЗНАЕТ

– Настя! Ты была в Питере?

– Ага, – киваю я, безучастно наблюдая за полем.

Люблю такие моменты. Аринка не знает о моей прошлой жизни ни-че-го, а когда ей кажется, что она начинает что-то понимать, я выдаю ей вот такую деталь, которая повергает ее в шок. Чувствую на себе ее потрясенный взгляд еще несколько секунд. В это время она раздумывает, расспросить ли меня поподробнее или оставить в покое. И, как всегда, решает не расспрашивать. За это я люблю ее больше всего.

– Я хотела для нас другой жизни. Но теперь я умерла, а ты будешь одна бродить в этом декабре, путаясь в сугробах, вокруг Кричащей Башни.

Я удивленно поворачиваю голову и вижу Аринку: ресницы ее покрыты инеем, волосы седые, а щеки настолько бледные, что кажутся прозрачными. Она глядит мимо меня мертвыми глазами и не моргает. Оглядываясь, я вижу, что поле пусто и замечено снегом. Начинает резко темнеть.

Снова смотрю на Аринку, она бездвижна, и взгляд ее словно размыт. Рядом со мной – мертвец. Я дотрагиваюсь до ее плеча, и она начинает заваливаться на бок, точно огромная неловкая кукла...

Я просыпаюсь.

* * *

В первую секунду я пытаюсь понять, что явь, а что – сон, и правда ли приезжала Даша, а Аринка, пьющая со мной водку, только приснилась, или все было наоборот?

В мой зашкафный закуток пробирается тусклый дневной свет. Тянусь за телефоном – 09:15 утра, два звонка от Марьки и с десятков сообщений. Половина – от Дашки. Остальные – от той же Марьки. Нет никакого желания их открывать, но я вынуждена. Очевидно, что ужас происходит в реальности, и он только начался.